

В.С.Мартьянов

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МОДЕРН ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ: ЦЕННОСТНОЕ ЕДИНСТВО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ¹

Ключевые слова: Модерн, Европа, нация-государство, мироэкономика, мирополитика, либеральный консенсус, институциональная вариативность современности

¹ *Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант №10-06-96000).*

Политический проект Модерна, базирующийся на либеральном консенсусе современных идеологий как легитимном обосновании капитализма, первоначально отождествлялся классической социологической и политической мыслью лишь с европейской его версией — привилегированной и «канонической». Однако успешное распространение политической надстройки Модерна над капитализмом за пределы Европы, особенно в постбиполярный период, обнаружило единство ценностного ядра Модерна и вместе с тем разнообразие его институциональных моделей в разных регионах мира. Институциональная вариативность Модерна практически не связана со все менее значимыми для современности предшествующими традициями конкретных обществ, переоцененными концепцией «множественных современностей»². Наоборот, можно говорить о глобальном идейно-ценностном единстве политического Модерна, вариативность реализации которого обусловлена исторически неодновременным охватом капитализмом и политическим проектом Модерна разных частей человечества, а также перманентной трансформацией и делегитимацией системы современных наций-государств как первоначальной политической формы Модерна.

² *Eisenstadt 2000.*

Глобализация как де-европеизация Модерна

То обстоятельство, что впервые переход к Модерну начал осуществляться в Европе, повлекло за собой переоценку культурных факторов модернизации, присущих этому макрорегиону. Первоначальный европейский ответ на проблемную повестку Модерна, которая еще не стала глобальной, но затронула лишь Европу, стал восприниматься в качестве образцового — насколько вообще политическое как особенное (культурное) может быть приближено в позитивистском дискурсе прогресса к всеобщему. Однако глобализация Модерна обнаружила

относительность культурных факторов и специфики модернизирующихся обществ. Объективные потребности, цели и условия модернизации оказались сильнее культурных особенностей, которые переход к Модерну во многом нивелировал. Ведь сам политический Модерн возникает как ответ на фундаментальные и объективные фоновые процессы, связанные с урбанизацией, научно-техническим прогрессом, демографическими трендами, индустриализацией, капитализацией и индивидуализацией, которые в «долгом времени» (Ф.Бродель) охватывают человечество в целом и сглаживают существовавшие до подключения тех или иных регионов к модернизации различия.

Вместе с тем на периферии капиталистической миросистемы дело с воплощением Модерна обстоит иначе, чем в той же Европе. Она сталкивается почти исключительно с капиталистическим лицом Модерна, страдает от неравновесного обмена. Блага Модерна достаются только немногочисленным элитам, включенным в глобальные обмены и сопряженные с ними формы политической деятельности. В результате во многих случаях происходит «закупорка» проекта Модерна. Пользуясь экономическими выгодами пребывания в миросистеме, открывающего им доступ к глобальным финансово-экономическим потокам, периферийные элиты часто лишь симулируют Модерн на институциональном и идеологическом уровне. Призванные имитировать Модерн в глазах внешнего мира формальные институты существенно расходятся с неформальными практиками. Руководствуясь своими корпоративными интересами, эти элиты не допускают реального распространения ценностей и стандартов Модерна внутри собственных обществ, то тут, то там являя яркие примеры архаизированной современности³. Не случайно на периферии миросистемы постоянно возникает вопрос: можно ли включиться в капиталистическую мироэкономику, минуя Модерн как политический проект?

³ Бляхер 2008.

Глобализация Модерна как привычной надстройки над мироэкономикой привела к нарастающему растождествлению его с европейским ареалом. В условиях глобализации Европа как историко-географическое и культурное пространство возникновения данного политического проекта отличается от прочих регионов мира лишь тем, что раньше других вошла в состояние Модерна, став местом генерации универсальной современности, к которой затем присоединился остальной мир. Модерн как современность начал успешно вытеснять предшествующие состояния, принципы, ценности и способы легитимации общества, и первой его жертвой оказался европейский монархическо-сословный «старый порядок» (Ancient Régime): аграрные европейские государства, легитимируемые трансцендентной волей Божьей, земным воплощением которой выступает монарх.

Становлением и распространением политического Модерна Европа обязана прежде всего изменению принципов экономического развития. В то же время восходящее к М.Веберу представление об исключительной роли этики протестантизма как культурного основания

капитализма едва ли справедливо. В противном случае капитализм не прижился бы так быстро вне ареала протестантского влияния. Очевидно, что культурные факторы влияют на ход и варианты реализации Модерна, но цели Модерна остаются неизменными, что заставляет говорить о его закономерности.

Не вызывает сомнений, что традиционное европейское общество до-Модерна, базировавшееся на христианских ценностях, активно (хотя и безуспешно) противодействовало как Модерну, так и переинтерпретации христианского вероучения протестантами, поскольку и то и другое означало принципиальную перестройку привычных основ морали и всей жизнедеятельности социума. Понятно, что переустройство экономики на капиталистический лад отнюдь не влечет за собой автоматической перестройки общественной морали в целом. Движение к этической легитимации капитализма наблюдалось в протестантизме, но не в христианстве вообще, что обусловило перманентный моральный коллапс. Смягчить (но не преодолеть) этот коллапс помогали модернистские идеологии и утопии, призванные служить пластичным связующим звеном между христианской моралью и капитализмом. Наличие такого звена позволяло разрешать мелкие противоречия посредством реформ и компромиссов. Противоречия же фундаментальные откладывались на будущее, пока они не обострялись до революционных. Переход Европы к Модерну начался до того, как были выработаны политические механизмы его сглаживания, и потому оказался более затяжным, конфликтным и кровавым, чем где бы то ни было.

И все же отношение Европы к Модерну носит двойственный характер. Будучи инициирован Европой, Модерн отбросил все ее уникальные черты в пользу всеобщего. Вторичность культурных, религиозных, этнических и иных антимодерновых факторов доказана успешным преодолением их в различных частях мира. В условиях модернизации как «осовременивания» культурные факторы часто играют консервативную или даже реакционную роль применительно к объективным интеграционным процессам, развертывающимся прежде всего в экономическом пространстве. И политический проект Модерна лишь с опозданием закрепляет состоявшийся переход к Современности, выстраивая новый габитус индивидов, связанный с ориентацией в новых общественных условиях.

Поскольку Модерн как капитализм уже давно воспринимается в комплексе с Модерном как политическим проектом, предлагающим всем обществам базовый либеральный консенсус, заинтересованным в модернизации слоям периферийных стран было нетрудно сделать вывод, что осуществление реформ или революции на идеологических основаниях ортодоксального либерального консенсуса автоматически открывает им доступ ко всем остальным благам Модерна. Однако их ждало разочарование. Попытки использовать этот механизм за пределами Европы не принесли желаемых результатов. Даже самые ультралиберальные

(Латинская Америка), не говоря уже о социалистических (Россия и Китай) и национально-консервативных (Иран и Турция), реформы, перевороты и революции не привели соответствующие общества к торжеству Модерна.

Оказалось, что либерализм — лишь завершающий этап долгого движения к ценностям и благам Современности. Включение в Современность предполагает полную ментальную и инфраструктурную перестройку общества, которую чрезвычайно сложно осуществить в форсированном темпе путем копирования готовых национальных проектов и образцов. Как правило, для завершения такой перестройки требуется несколько поколений. При этом каждое общество должно найти свой вариант воплощения Модерна, свои тонкие настройки его принципов, отвечающие особенностям предшествовавшего развития.

Критикуя распространенный тезис о глобализации евроцентричного Модерна, Ш.Эйзенштадт и В.Шлюхтер отмечают: «Теории модернизации 50-х и 60-х, как и классические теории Маркса, Дюркгейма и, в определенном отношении, Макса Вебера... предполагали, что основополагающая раннеевропейская констелляция институциональных факторов вместе с сопутствующей культурной программой должна быть воспроизведена всеми модернизирующимися обществами... Выдвинутое многими теоретиками модернизации предположение о том, что культурные предпосылки западного Модерна необходимо и обязательно связаны с такими же структурными и институциональными предпосылками, в настоящее время все более подвергается сомнению... Хотя общей отправной точкой многих из этих сдвигов была, конечно, та культурная программа современности, которая возникла в Европе, ее творческое восприятие в других точках мира ознаменовало рождение „множественных современностей“. Несмотря на то что эта множественность в конце концов подорвала веру в конвергенцию современных обществ, она оказалась тесно связанной с глобализацией культурных связей и каналов взаимодействий, которая пошла значительно дальше того, что существовало ранее. Странно, но это не создает ситуации, которую можно было бы назвать собственно постсовременной. Парадоксальным образом идея последней лишь усиливает высокомерную претензию Просвещения по поводу центральной роли евроцентристской модели современности»⁴.

⁴ Эйзенштадт, Шлюхтер 2007: 214—215.

**Глобальное
и национальное
в переходе
к Модерну**

⁵ Подробнее см. Eisenstadt 2000.

Обнаруженная Эйзенштадтом (хотя и весьма спорная в методологическом плане) культурная «множественность современностей»⁵ проявляется и в том, что страны, стоявшие в конце очереди на модернизацию, получили преимущества, позволяющие им, минуя традиционные фазы классического Модерна, связанные с созданием индустриальных обществ и привычных наций-государств, сразу начать эффективно отстраивать кластеры Модерна глобального. Этому способствуют такие

⁶ Фридман 2007.

параллельно развивающиеся фоновые процессы, как урбанизация, когда излишки аграрного населения бросаются в «тигель» модернизации, и переход к низкой рождаемости, а также возможность бесплатного заимствования технологий и повышения образовательного уровня населения. Низкий старт развивающихся стран является фактором, обеспечивающим им глобальную конкурентоспособность в «плоском мире»⁶, давно вышедшем за рамки наций-государств.

Мировой опыт показывает, что форсированная модернизация имеет шансы на успех прежде всего в относительно иерархических обществах, где авторитарная система управления социумом и его ресурсами по модели «отложенного потребления» компенсируется меритократичностью и авторитарные элиты тянут за собой «подданных», еще не осознавших себя гражданами. Именно благодаря этому такие гиганты, как Китай или Индия, сразу подстраиваются под стандарты глобальной конкуренции и кооперации, минуя классическую фазу индустриализации. В условиях глобального, или «второго», Модерна претензии национальных элит с их риторикой патриотизма и территориальности на роль субъектов развития, по сути, оправданны лишь в той мере, в какой эти элиты способны обеспечить эффективные стратегии взаимодействия своей страны с внешним миром и использовать предоставляемые глобализацией возможности. Поэтому глобализация Модерна представляется желательным мегатрендом общественного развития. Однако речь идет только о возможности, которая вовсе не вытекает фатально и автоматически из неких всеобщих законов развития человечества.

Любые продуктивные идеи рождаются из осмысления собственной истории, традиции, практики. Лишь после «внутреннего» тестирования их можно предложить остальному миру. Всеобщая цель — достижение состояния Современности, теоретически отражаемой концепцией Модерна как территория на карте. Но если какие-то концепции, институты или типы культуры эффективны, к примеру, в Европе, это не означает, что они обязательно окажутся таковыми за ее пределами. Здесь одинаково плохи как отказ от эффективно работающих «особенных» институтов, так и попытки перенести эти институты туда, где они не функциональны в силу своей ограниченной применимости. Эффективные практики вырастают из истории, онтологии, культуры — схем коллективного действия, символов, ритуалов, привычек, стереотипов мышления.

В то же время воплощение идеи в социальной реальности является ее исчерпанием, реализацией, а следовательно, и профанацией. Привнесенные извне политические институты сами по себе не обеспечат производства адекватных им ценностей, если общество культурно, интеллектуально, экономически и морально не готово к тому, чтобы руководствоваться ими. Либеральные институты будут эффективны лишь в том обществе, которое выбрало демократию, капитализм, права человека и т.п. прежде всего как цели и ценности, а не как способ получения неких материальных или статусно-символических выгод. Только тогда

привитие соответствующих институтов пройдет успешно. Институты не заработают, если общество не ценит лежащие в их основе идеи.

⁷ Подробнее см. Мартынов, Фишман 2007.

После действительного принятия общественным сознанием проекта Модерна риторика цивилизационной уникальности, исторической несовместимости, духовной «особости», находящая выход в фундаментализме, экстремизме, терроризме и иных формах противодействия Модерну, теряет свою убедительность⁷. Акцентирование отличий и несовместимости с Модерном, демократией и капитализмом, апелляция к «золотому веку» домодернового состояния — лишь средство повысить символический капитал тех общественных сил, которые процессы секуляризации, урбанизации и глобализации лишают влияния и ресурсов, сдавая в архив истории. Модернизированное общество не может признать легитимность преодоленных им домодерновых институций, даже если те сохраняются в реальности и претендуют на статус «исторических основ», фундамента и традиций отвергнувшего их социума⁸.

⁸ Бляхер 2008.

⁹ Подробнее см. Бодрийяр 2000: 157—164.

Поэтому упор на бесспорно существующие издержки и «проблемную сторону»⁹ Модерна, радикализация его противоречий есть способ противодействия Модерну со стороны тех, чьи интересы он упраздняет. Наиболее жестокие формы такое противодействие принимает там, где в силу неготовности общества и прежде всего элит к восприятию Модерна этот проект либо не запущен (значительная часть Африки, Центральной Азии и Ближнего Востока), либо обращен вспять, как это произошло на значительной части территории бывшего СССР после его распада. Не меньшие потери несут и те общества, приобщение которых к Модерну свелось к симуляции модернистских практик и институтов в глазах внешнего мира. Все не вписывающееся в Модерн вытесняется в них в неформальную сферу, причем объем вытесненного может превысить критические значения, когда сам Модерн превращается лишь в символ и оправдание параконституционных практик, скрытых полномочий и неписаных традиций.

Следует отметить, что Модерн, как и способы модернизации, постоянно трансформируется и развивается. Например, относительное ослабление наций-государств, теряющих легитимность в глобальном мире, провоцирует новые вызовы и угрозы привычной модели территориального государства со стороны суб- и наднациональных корпоративных интересов — экономических, этнических, религиозных. Свои особенности имеет и популярный механизм догоняющей модернизации, ставящей во главу угла индустриальное развитие, в жертву которому приносится модернизация внеэкономических отношений. В итоге новизна глобальных интерпретаций политического Модерна выводится преимущественно из экономического взгляда на происходящие процессы, что подразумевает историческое опережение интегрирующих мир экономических идей и институтов и консерватизм «догоняющих» и адаптирующихся к новой экономической реальности политических надстроек современных обществ¹⁰.

¹⁰ Иноземцев 2003.

Приобщение к Современности регионов мира, не относящихся к культурно-исторической родине Модерна, как правило, протекает весьма болезненно, однако при проведении последовательной, всесторонней и комплексной модернизации, включающей индустриализацию, секуляризацию и культурную трансформацию, издержек обычно бывает меньше, чем при попытках модернизироваться «с наскока» или создать лишь видимость Модерна.

И все же мировое разнообразие цивилизаций и культурных традиций становится с каждым десятилетием все менее выраженным, постепенно вытесняясь в сферу фольклора, исторических изысканий и забав для туристов, желающих оценить местный колорит. По мере перехода от уникальных аграрных обществ к более унифицированным городским стираются различия, обусловленные природой, климатом, географией, верованиями и традициями. Объединение локальных политических пространств, укрупнение производственных цепочек и процессов в жестких условиях подключения к глобальному миру неизбежно отодвигает на задний план домодерновые различия, во многом восходящие к традиционной регуляции общественных процессов природно-климатическими циклами. Усвоение локальными образованиями внешних правил игры знаменует собой окончательную консолидацию и торжество мировых экономико-политических стандартов Современности.

**Пути
в глобальный
Модерн**

На протяжении своей истории Россия не раз (и с различной степенью успешности) пыталась включиться в Модерн: догоняющая модернизация (реформы Петра I), частичная автаркия (почвенничество, «социализм в отдельно взятой стране»), изменение миросистемы (большевики и современные альтерглобалисты) или создание альтернативной через скачок в новую «общественную формацию» (СССР). В настоящее время наша страна как никогда нуждается в новых интеллектуальных концепциях, открывающих путь к улучшению ее положения в глобализирующемся мире. Между тем предлагаемые сегодня проекты, по сути, основаны на все тех же исторически опробованных ею способах преодоления периферийности.

Мировой опыт показывает, что присоединение к Модерну возможно без культурной вестернизации и заимствования западных цивилизационных ценностей. Если бы Модерн был культурно детерминирован и принадлежал только Западу, он никогда не смог бы покинуть ареал европейской цивилизации и стать глобальным. Модерн лишь фиксирует эффективные и относительно нейтральные правила и стандарты общественной и индивидуальной жизни, порождаемые переходом человечества к Современности, которые работают в любых регионах единого мира поверх предшествующих культурных различий.

Культурные традиции регионов сохраняются, но по мере осовременивания обществ и роста заимствований из внешнего мира их значимость постоянно падает. Почему предыстория человечества, преодо-

ленная Современностью, должна рассматриваться как некий критерий и мерило истины для проекта Модерна? Почему из невозвратного прошлого черпаются практические рецепты? Ни один из этих вопросов не находит вразумительного ответа. Любые традиции или новации сами по себе суть абстракции; главное, кому и в каких условиях они выгодны и что они сулят большинству. Поэтому, если критики Модерна, апеллирующие к традициям, идентичности или уникальности страны, требуют от граждан жертв во имя неких трансцендентных сущностей (государства, истории, цивилизации, памяти предков), стоит лишний раз задуматься о том, чьи интересы они выражают. «Если общество стремится организовать и жить в соответствии с божественным откровением или с некоей „национальной сущностью“, то это не „общество модерна“»¹¹.

¹¹ Кимелев 1998: 20.

Более того, все апологеты идеализированного до-Модерна давно находятся внутри Современности. Соответственно, подчеркивание культурно-исторических отличий и традиций, цивилизационного своеобразия, «особого пути» и т.п. есть не более чем попытка легитимации чьих-то эксклюзивных привилегий и частно-ограниченных интересов.

Несмотря на усложнение глобального Модерна, все дальше отходящего от своей первоначальной европейской версии, «культуртрегеры» Просвещения до сих пор продвигают ее как единственно возможную. При этом апология универсальной версии Модерна часто принимает причудливые формы. Весьма показательна в этом плане культурно детерминированная концепция конфликта цивилизаций¹², за которой просматривается базовая идея конфликта Модерна, воплощенного в европейской цивилизации, с варварством и предсовременностью. На представлении о тождестве Запада и Модерна в современном мире строится и концепция глобального либерального триумфа, выдвинутая в работах Ф.Фукуямы¹³.

¹² Хантингтон 2003.

¹³ Фукуяма 2004.

Общество Модерна абстрагируется от всего особенного и частного, обусловленного традицией, исторически сложившейся на определенной территории, в пользу ценностей, которые могут стать глобальными и всеобщими. Важнейшей из таких ценностей является рационализация жизни социума, обеспечивающая гражданам все больше возможностей для свободной самореализации, не предзаданной никакой общественной сверхцелью, миссией или историей индивидуального выбора. Ключевым критерием для моральной оценки любого социального действия становится общественное благо. Разнонаправленные индивидуальные интересы и общественное благо сопрягаются посредством идеи разума, ценность которого превышает каких бы то ни было частных интересов. В противном случае конструкция общества классического Модерна, основанного на легитимации политической власти через выражение и согласование отдельных свободных волей, просто рухнет. Для общества Модерна разум и рациональность — не просто технические средства решения возникающих проблем, но главная ценность, связывающая воедино все остальные.

**Направления
дальнейшей
эволюции
Модерна**

Проект Модерна по-прежнему представляет собой открытую, развивающуюся систему. Его политические трансформации далеки от завершения. Перспективы замены его иным глобальным политическим проектом пока не просматриваются. Претендовавший на эту роль Постмодерн оказался не действительной альтернативой Модерну, а лишь дополнительным языком его критического самоописания. Прервав интеллектуальную самореференцию Модерна, постмодернистские концепции дали стимул к поиску путей разрешения его умножающихся противоречий, что в итоге позволило Модерну развиваться и усложняться дальше, отвечая на новейшие вызовы и оставаясь современностью, то есть становящимся, а не уже состоявшимся историческим проектом.

Появившийся в результате модернизационных преобразований человек Модерна все еще не составляет большинства населения Земли. Его основные устремления связаны с перманентным увеличением уровня потребления и личных свобод. И здесь снова срабатывает ловушка недифференцированного понимания Модерна как синтеза капитализма (теперь уже в ипостаси потребительского общества), свобод и высокого уровня жизни. Отсутствие какого-то из ожидаемых благ зачастую трансформируется в критическую рефлексию по поводу универсальности Модерна в форме постмодернизма, альтерглобализма, национализма или религиозного фундаментализма. Подобные интеллектуальные реакции на Модерн, во многом обусловленные историей, географией и культурой мест своего возникновения, и лежат в основе наблюдаемого разнообразия региональных версий Модерна.

Все более неоднородной и «разновременной» становится сама парадигма Модерна. Наряду с классическим индустриальным Модерном, мы видим постиндустриальный информационный Модерн, а также страны, еще только вступающие на путь Модерна. Такое разнообразие версий, дифференцированных в соответствии с «принимающей» реальностью, является залогом их эффективности. Но что здесь может предложить Россия, сначала вырвавшаяся со своей «советской версией» Модерна в моральные лидеры, а затем начавшая впадать в неотрадиционализм¹⁴? На мой взгляд, варианты развития российского Модерна заложены в нем самом, но их реализация связана с жадой социально-политических перемен, политическим проективизмом, а также планами изменения миросистемы в целом и, как следствие, самой России.

С расширением капиталистической миросистемы за пределы Европы каждый последующий политический гегемон (Испания, Великобритания, Германия, США) был сильнее предыдущего. В окончательно сложившейся мироэкономике политическая гегемония может быть только глобальной. Если во второй половине XX в. за гегемонию конкурировали советская и европейская версии Модерна, то в начале XXI в. сформировалось три центра силы, претендующих на относительную гегемонию: США, Китай и ЕС. От того, появится ли новый абсолютный гегемон, зависит дальнейшая судьба Модерна.

¹⁴ Подробнее см. Мартынов, Фишман 2009.

Мировой гегемонизм полностью укладывается в логику мироэкономики, но с мирополитикой дело обстоит сложнее. Хотя в силу неравномерности развития суверенных государств и неравенства их потенциалов многополярность в мировой политике чаще всего оказывалась мифом либо неустойчивым переходным состоянием, войной всех против всех, абсолютная гегемония в сфере ценностей и стандартов политического управления может сыграть негативную роль. Формирование политического гегемона, опирающегося на свою экономическую и военную мощь и территориально ограниченные интересы, будет означать лишь возрождение логики конфликта наций раннего европейского Модерна на глобальном уровне. Подобный поворот событий не только не тождествен глобализации Модерна и постепенному объединению человечества в рамках единой эгалитарной политической системы, но и чреват разрушением Модерна.

Согласно А.Турену, общество Модерна есть «поле конфликтов, переговоров и посредничеств между рационализацией и субъективацией, представляющих собой две дополнительные и противоположные стороны Модерна»¹⁵. По сути, речь идет о постоянном споре между интересами той или иной коллективности — класса, нации, общества, государства — и пространством личной свободы. В своем политическом измерении эта базовая оппозиция Модерна, проявляющаяся в форме оппозиции между разумом и насилием, порядком и анархией, государством и субъективностью, снимается посредством легитимной справедливости как права на законное насилие, воплощенного в государстве.

Основное направление ценностной универсализации Современности — переход от территориальной нации-государства к транснациональному политическому пространству. Нация-государство — отнюдь не единственно возможная политическая форма Модерна, но скорее звено политической глобализации, отражавшее исторические условия Европы. Очевидно, что в настоящее время эта форма легитимации политического пребывает в глубоком кризисе. В результате взрывообразного роста числа государств на политической карте мира¹⁶ большинство из них уже не обладает такими важнейшими атрибутами нации, как суверенность и автономность в политике и экономике.

Институциональный мировой порядок неминуемо будет меняться, и линии грядущих изменений видны уже сегодня. Во-первых, начнут модифицироваться сами нации, и основания их легитимности все меньше будут связаны с территориальностью, национальным и историческим мифом. Во-вторых, можно прогнозировать усиление и легитимацию альтернативных нациям политических форм, будь то сети глобальных городов или наднациональные политические образования вроде ЕС. Глобальная мироэкономика нуждается в адекватных себе политических субъектах. Не случайно, даже оставаясь такими субъектами, нации все активнее передают свои функции ТНК, глобальным городам и надгосударственным союзам.

¹⁵ *Цит. по: Кимелев 1998: 33.*

¹⁶ *Только за прошлое столетие их количество увеличилось в 4 раза (см. Изменения 2002: 13).*

Интеграция мировой политической структуры и переструктурирование привычных политических пространств и иерархий в новые властные вертикали неизбежны, но стратегия образования будущей политической формы Модерна остается под вопросом. По мнению П.Ханны, облик грядущего мира могут определить три центра силы — США, ЕС и Китай, — каждый из которых предлагает собственную стратегию политической интеграции: «коалиционную» (блоковую), «консенсусную» (ценностную) и «консультативную» (Realpolitik) соответственно¹⁷. Очевидно, однако, что и «коалиционная», и «консультативная» стратегии являются изначально ограниченными, ибо основаны на экономической и военной мощи. Только «консенсусная» стратегия в состоянии сделать Модерн глобальным, поскольку она строится не на страхе или поиске выгод, а на приверженности определенным ценностям и общим для всех правилам игры, что позволяет остальному миру чувствовать себя на равных с миром трех ведущих империй.

¹⁷ *Иноземцев 2009.*

Основной мировой тренд — возвышение полупериферии, или, в терминологии Ханны, «второго мира», к которому исследователь относит страны, играющие самостоятельную роль на международной арене и способные автономно выбирать свою стратегию, присоединяясь к Европе, Китаю, США или нескольким гегемонам одновременно¹⁸. В условиях девертикализации глобальной иерархии и умножения центров силы страны полупериферии, развивающиеся быстрее, чем центр миросистемы, станут все заметнее влиять на облик глобального мира. Вместе с тем остается неясным, будем ли мы иметь дело с антимодерновыми региональными альянсами, ориентированными на общую территориальность, или же с более универсальными политическими структурами Модерна, не привязанными к конкретной территории как месту генерации политического суверенитета и ресурсов.

¹⁸ *Ханна 2009: 7—11.*

Такие нынешние гегемоны, как Китай и США, логику грядущей мирополитики глобального Модерна не порождают. Им выгоднее следовать более частной логике национальных интересов, отстаиваемых в мироэкономике. Но если мир действительно становится «плоским», то преимущества отдельных регионов постепенно нивелируются. И поскольку получение сверхприбылей оказывается все более проблематичным, неизбежно возрастает потребность в универсальных политических правилах, действующих поверх национальных границ. Только так можно сократить конкурентные издержки, прежде всего военные и политические.

При отсутствии глобальных договороспособных субъектов, которые могли бы обеспечить соблюдение новых правил, гарантировать их придется не силой (страхом), что бесполезно, но взаимозависимостью. А это уже проблема доверия и делегирования полномочий транснациональным органам. Параллельно встает проблема универсальности правил. Будет ли следовать им, например, Китай, привыкший делать ставку на свою экономическую и демографическую мощь? Несмотря на бесспорные экономические успехи, этот восходящий гегемон миро-

системы является скорее тормозом на пути трансформации Модерна. Более того, существует вероятность, что позиция Китая, движимого только логикой мироэкономики, логикой приращения капитала и традиционной мощи, повернет вспять развитие глобальных отношений, прервав наметившийся переход от раннего Модерна как системы согласования национальных интересов к мирополитике, выходящей за пределы наций-государств и базирующейся на всеобщих потребностях, интересах и целях человечества, давно ставшего глобальным и взаимозависимым.

Библиография

- Бляхер** Л.Е. 2008. Архаические механизмы легитимации власти в России, или Очерки об истоках ностальгического сознания // *Полития*. № 3.
- Бодрийяр** Ж. 2000. *Прозрачность зла*. — М.
- Изменения** политической карты мира с 1901 по 2001 г. 2002 // *География*. № 12.
- Иноземцев** В.Л. 2003. *На рубеже эпох: Экономические тенденции и их неэкономические следствия*. — М.
- Иноземцев** В.Л. 2009. 12 книг о геополитике: Первооткрыватель «второго» мира // *Ведомости*. 28.08.
- Кимелев** Ю.А. 1998. Турен А. Критика Модерна (Touraine A. Critique de la modernite. — P.: Fayard, 1992. — 463 p.) // *Социальные и гуманитарные науки: Реферативный журнал. Сер. 11: Социология*. № 4.
- Мартьянов** В.С., Фишман Л.Г. 2006/2007. Моральный тупик цивилизационной парадигмы // *Полития*. № 4 (43).
- Мартьянов** В.С., Фишман Л.Г. 2009. Реакционный проект для России // *Свободная мысль*. № 9.
- Фридман** Т. 2007. *Плоский мир. Краткая история XXI века*. — М.
- Фукуяма** Ф. 2004. *Конец истории и последний человек*. — М.
- Ханна** П. 2008. Вот вам и второй мир. Между «богатым Севером» и «бедным Югом» // *Русский журнал*. № 2.
- Хантингтон** С. 2003. *Столкновение цивилизаций*. — М.
- Эйзенштадт** Ш., Шлюхтер В. 2007. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // *Прогнозис*. № 2.
- Eisenstadt** S. 2000. Multiple Modernities // *Daedalus*. № 129.